

Заключение

Россия на пороге нового этапа посткоммунистического развития

1. Некоторые особенности восстановительного экономического роста

В настоящее время с новой силой, напоминающей ситуацию конца 80-х – начала 90-х годов, разгораются дискуссии об итогах и уроках пройденного Россией пути и, главное, о направлениях ее развития в будущем. Издаются книги, в которых дается иногда объективная и иногда далеко не объективная картина происходившего и происходящего в стране, по-разному трактуются одни и те же статистические показатели, одни и те же исторические факты. Спад производства одни политики и экономисты рассматривают как неизбежную плату экономики за три четверти века отхода от нормального пути развития, другие – как результат ошибочных и даже «вредительских» (нередко они используют испытанную советскую терминологию) действий власти. Подъем производства, происходящий в последние годы, объясняется тоже разными, порой противоположными причинами.

Есть одна общая черта, объединяющая большинство участников таких дискуссий. Ее выявил известный историк Л. Арон: они, как правило, игнорируют существование почти трех десятков государств, которые сегодня, подобно России, решают задачу адаптации к условиям развития после краха социализма¹. Если анализ развития событий в нашей стране вести с учетом того, что происходит у соседей, нетрудно убедиться в одном: повсеместно происходят сходные процессы. Например, экономический рост в последние годы наблюдается почти во всех странах, расположенных на постсоветском пространстве (см. *табл. 1*).

Таблица 1

¹ Л. Арон обратил внимание на то, что изучение процессов постсоциалистического перехода в подавляющем большинстве государств Восточной Европы и на постсоветском пространстве обычно ведется в сравнительном контексте, на фоне событий, протекающих в других постсоциалистических странах. Россия же, в силу ее размеров, чаще всего рассматривается изолированно. См.: *Aron L. Structure and Context in the Study of Post-Soviet Russia: Several Empirical Generalizations in Search of a Theory // Russian outlook, January 1, 2001.*

**Темпы прироста физического объема ВВП в постсоветских государствах
в 1996–2002 гг. (%)**

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Азербайджан	1,3	5,8	10,0	7,4	11,1	9,9	10,6
Армения	5,9	3,3	7,2	3,3	5,9	9,6	12,9
Беларусь	2,8	11,4	8,3	3,4	5,8	4,7	4,7
Грузия	10,5	10,8	2,9	3,0	1,9	4,5	5,4
Казахстан	0,5	1,7	-1,9	2,7	9,8	13,5	9,5
Кыргызстан	7,1	9,9	2,1	3,7	5,4	5,3	-0,5
Молдова	-7,8	1,3	-8,6	-3,4	2,1	6,1	7,2
Россия	-3,5	0,8	-4,6	5,4	9,0	5,0	4,3
Таджикистан	-4,4	1,7	5,3	3,7	8,3	10,2	9,1
Узбекистан	1,6	2,5	4,4	4,4	3,8	4,5	4,2
Украина	-10,0	-3,0	-1,9	-0,2	5,9	9,1	4,5
Латвия	3,3	8,6	3,9	2,8	6,8	7,7	6,1
Литва	4,7	7,3	5,1	-3,9	3,8	5,9	6,7
Эстония	3,9	10,6	4,7	-0,6	7,1	5,0	5,8

Источник: 1. (Данные за 1999–2001 гг., кроме Латвии, Литвы и Эстонии) <http://www.cisstat.com/rus/index.htm> Межгосударственный статистический комитет СНГ, Макропоказатели; 2. (Данные за 1996–1998 гг.) Transition Report 2001. EBRD, 2001; 3. (Латвия, Литва и Эстония, 1999–2001) Расчеты на основе данных IFS, IMF 2003; 4. Данные за 2002 г. взяты из базы Мирового банка, <https://publications.worldbank.org/subscriptions/WDI/>.

Между 1991 и 1994 годом во всех этих государствах наблюдалось падение производства. В 1995 году начали появляться признаки роста, в первую очередь в тех странах, которые до этого были втянуты в войны или оказались объектом блокады; там, где падение производства в 1991–1994 годах было наиболее масштабным. В 1996–1998 годах рост, хотя и неустойчивый, наблюдается и в других странах постсоветского пространства. В 1999 году рост обретает стабильность и происходит почти во всех рассматриваемых странах, с 2000 года – повсеместно, за исключением Киргизии в 2002 году.

Среди этих государств есть нетто-экспортеры и нетто-импортеры нефти и нефтепродуктов. Есть те, в которых в течение 1995–2002 годов происходило реальное укрепление национальной валюты, и те, в которых происходило ее реальное ослабление. Ни в одной из постсоветских стран, кроме России, не начинались реформы по российской модели 2000–2001 годов. Тем не менее, почти все они сегодня – растущие экономики.

Но как указывалось в предыдущих главах, после необычайно высоких темпов роста, последовавшего за кризисом 1998 г., темпы роста российской экономики стали постепенно (хотя и неравномерно по годам) снижаться. В чем кроется причина очевидного и широко обсуждаемого затухания этого роста? В поисках ответа, прежде всего, следует опять-таки обратить внимание на то, что оно характерно не только для России, но и почти без исключения для всех стран постсоветского пространства, вступивших в период так называемого восстановительного роста.

Понятие «восстановительного роста» ввел в научный обиход российский экономист В. Громан, описавший его особенности в своих работах, относящихся к 20-м годам прошлого века. Согласно Громану, восстановительный рост – это рост, который происходит при использовании ранее созданных производственных мощностей, ранее обученной квалифицированной рабочей силы. Эти составляющие в сочетании с ликвидацией дезорганизации, восстановлением хозяйственных связей (ученый отмечал, что, несмотря на те разрушения основных фондов, которые принесла Гражданская война, гораздо большую роль в падении производства сыграли не физические разрушения, а дезорганизация хозяйственных связей) позволяют объединить вновь факторы производства, запустить производственный процесс.

Впрочем, восстановительный рост – хотя и известный, но достаточно необычный, не очень хорошо изученный феномен; в каждой из стран, которые через него проходят, и в каждый период, при всей общности, в основном его отличает своя специфика.

Современный восстановительный рост в России, которому, по существу, посвящена эта книга, тесно связан с предшествующей рецессией, падением производства после краха Советского Союза. Падение было обусловлено, в свою очередь, структурной перестройкой экономики и кризисом старой системы хозяйственных связей, тогда как новая система еще не сформировалась. Этот кризис был в основном преодолен к 1997 году. В

дальнейшем развитию восстановительных процессов помешал финансовый кризис 1997–1998 годов. Но они были возобновлены с 1999 года и, как было показано в предыдущих главах, продолжают до сих пор.

Между тем последнее время повсюду проявляются проблемы истощения ресурсов восстановительного роста. Например, в период 1998–2002 годов численность занятых в российской экономике выросла на 8,9 млн человек (с 58,4 до 67,3 млн). Взамен довольно высокой безработицы возник дефицит квалифицированной рабочей силы на предприятиях, быстро восстанавливавших производство. Дефицит привел к росту реальной заработной платы. Она выросла в 1,7 раза за 2000–2002 годы. Кстати, аналогичная тенденция наблюдается и в других государствах СНГ (см. табл. 2).

Таблица 2

**Темпы прироста реальной заработной платы в странах СНГ
в 1996–2001 гг. (%)**

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Азербайджан	19,0	53,0	20,0	20,0	18,0	16,0
Армения	13,0	26,0	22,0	11,0	13,0	5,0
Беларусь	5,0	14,0	18,0	7,0	12,0	30,0
Грузия	53,0	37,0	25,0	2,0	3,0	22,0
Казахстан	2,0	5,0	4,0	7,0	12,0	13,0
Кыргызстан	1,0	12,0	12,0	-8,0	-2,0	11,0
Молдова	5,0	5,0	5,0	-13,0	2,0	15,0
Россия	6,0	5,0	-13,0	-22,0	21,0	20,0
Таджикистан	-14,0	-2,0	29,0	0,3	8,0	11,0
Украина	-5,0	-2,0	-3,0	-6,0	1,0	21,0

Источник: Содружество независимых государств в 2001 году. Статистический ежегодник. Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2002.

На опережающий по сравнению с производительностью труда рост реальной заработной платы указывал как на характерный элемент восстановительных процессов В. Громан в своих работах 20-х годов XX века,

где рассматривались вопросы восстановления экономики СССР после Первой мировой и Гражданской войн².

Другой исчерпываемый ресурс восстановительного роста – освободившиеся в результате спада производства мощности предприятий. Конъюнктурные опросы, проводимые ИЭПП, показывают изменение баланса оценок достаточности производственных мощностей для удовлетворения ожидаемого спроса в период после 1998 года. Нехватка оборудования, как и квалифицированных кадров, все чаще расценивается как серьезная преграда на пути роста производства.

Падение темпов роста после достижения пиковых значений и вовлечения в хозяйственный оборот наиболее доступных ресурсов порождает экономико-политические дебаты о причинах затухающих темпов роста и путях их повышения. Исчерпанность источников «восстановительного роста» ставит проблему обеспечения экономического развития, выходящего за пределы собственно восстановления. *Т.е. теперь уже требуется рост, который ориентируется не на вовлечение старых, а на создание новых производственных мощностей, обновление основных фондов, привлечение новой квалифицированной рабочей силы.*

Решение этой задачи может быть найдено на пути укрепления гарантий прав собственности, углубления структурных реформ. Однако структурные реформы – длительный процесс, дающий результаты с большим временным лагом. Они не дают краткосрочной отдачи, но «всего лишь» закладывают базу долгосрочного экономического роста. (Экономический рост 90-х годов XX века в США был тесно связан с реформами, проведенными в 80-х годах при Р. Рейгане; но чтобы их результаты проявились, потребовалось целое десятилетие.)

Правительство в 2000–2001 годах начало проводить в жизнь ряд структурных реформ. По некоторым направлениям сделано много полезного,

² См.: Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство, 1925. № 2. С. 32.

но еще больше – не завершено. Например, в 2002 году были внесены позитивные изменения в уголовно-процессуальное законодательство. Сейчас десятки тысяч людей, которые не осуждены судом, не сидят в тюрьмах, как сидели прежде. Это – достижение. В то же время российская судебная система по-прежнему имеет немало изъянов. И проблемы, связанные с ее функционированием, будут оставаться серьезными еще долгие годы. Ведь судебная система – это кадры и традиции, радикально изменить которые в один момент невозможно.

Важны шаги, сделанные для упорядочения частной собственности на землю. Можно спорить, насколько хорош или плох вступивший в силу закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Но то, что в России частный оборот земли упорядочен и закреплён – фактор, способствующий долгосрочному росту российской экономики. Вместе с тем это, по сути, легализация того, что происходило в жизни. Она позволяет сократить масштабы теневого оборота земли, коррупции, повысить эффективность гарантий прав собственности, но сама по себе не обеспечивает немедленной отдачи. То же относится ко многим другим мероприятиям: реформе трудовых отношений, пенсионной реформе, реформе здравоохранения и образования, военной реформе и т.п. Изменения, которые сулят отдачу за короткий срок, такие как реформа подоходного налога, – редкое исключение.

Между тем в глазах значительной части элиты и общества ситуация выглядит так: правительство втянулось в проведение структурных реформ; жизнь радикально не улучшается, проблем в российской экономике остается много, темпы роста снижаются. Значит, выбранный курс – неправилен. И это нарастающее недовольство становится самостоятельным фактором, влияющим на экономическую политику.

Другая важная составляющая текущего экономического курса связана с ценами на нефть. Российское правительство четыре года в условиях высоких цен проводило ответственную финансовую и денежную политику. Это достойно уважения. Отнюдь не так обстояло дело в период аномально высоких

цен на нефть, предшествовавший нынешнему (1979–1982 годы, когда цены на нефть в реальном исчислении были примерно втрое выше, чем в 1999–2002 годах). Тогда политическое руководство СССР сочло страну настолько богатой, что умудрилось ввязаться в ненужную и безнадежную войну в Афганистане.

В 1999–2002 годах нам помог урок кризиса 1998 года. У России была плохая финансовая репутация. Предстояли платежи по внешнему долгу. Рефинансировать их было сложно. Это дало четыре года сдержанности в наращивании непроцентных расходов бюджета. К сожалению, способность правительства проводить ответственную макроэкономическую политику при высоких ценах на нефть ограничена. Приближение выборов также редко приводит к повышению ответственности в принятии финансовых решений.

2. Нужен ли и возможен ли новый экономический «прорыв»?

Итак: структурные реформы идут медленно и не приносят чудес; цены на нефть высокие; выборы приближаются. В такой ситуации растет спрос на популярные решения, чувствуется острая потребность в том, что дает быструю отдачу, «обещает прорыв».

При обсуждении экономической политики на предстоящие годы необходимо учитывать риски, связанные с резкими колебаниями цен на нефть, возможность продолжительного периода более низких цен, чем те, которые были характерны для последних четырех лет.

Возникают риски, связанные с возможной паузой в росте в течение 2004–2005 годов. Опасна не пауза сама по себе. С точки зрения стратегических задач развития России, значение того, как исчерпание ресурсов восстановительного роста, конъюнктура цен на нефть, а также результаты структурных реформ в совокупности скажутся на колебаниях темпов роста в 2004–2005 годах, – не так велико. Опасна не приостановка

роста, а смена курса, торможение структурных реформ, попытка заменить их экономическими авантюрами.

Эти процессы накладываются на фон послекризисной политической стабилизации. В 1991–1999 годах власть в России была слабой, как это обычно и бывает в эпоху социальных революций и катаклизмов. За государственными институтами не стояла длительная традиция, обеспечивающая их легитимацию, согласие в обществе и элитах по вопросу о правилах игры в рамках политического процесса. Усталость от длинного периода безвластия, беспорядка, от слабого государства вызывает спрос на дееспособную и действующую власть. Постреволюционная стабилизация резко расширяет для руководства страны свободу маневра в выборе политического курса³. Так было в Советской России в 20-х годах прошлого века, то же происходит и сегодня. Здесь и проявляется важнейшее противоречие послекризисного развития: политическая стабилизация, усиление власти и падающие темпы восстановительного роста порождают фрустрацию, подталкивающую к макроэкономическим экспериментам.

Призывы подстегивать темпы роста, рассуждения о том, кого необходимо догнать и перегнать, сыграли немалую роль в экономической истории России XX века. Можно вспомнить старания Н. Хрущева догнать и перегнать США по производству мяса и молока. Или то, что экономическая катастрофа в СССР рубежа 80–90-х годов XX века начиналась с попыток ускорить темпы экономического роста.

Россия не имеет монополии на подобные эксперименты с экономическими гонками. Например, экономическая политика правительства С. Альенде в Чили также была ориентирована на задачу ускорения роста за счет отказа от экономической ортодоксии, снятия финансовых ограничений, накачки экономики деньгами. Она привела страну к глубокому экономическому кризису, из которого потом пришлось выходить на

³ Эти проблемы описаны в работе: *Стародубровская И.В., Мау В.А.* Великие революции. От Кромвеля до Путина. М., 2001.

протяжении десятилетия. Но на первом этапе (1971 г.) такая политика действительно позволила форсировать темпы экономического роста. Характерно, что и в Чили попытки макроэкономических манипуляций были предприняты не на фоне длительной стагнации экономики, а после периода экономической экспансии, сменившейся замедлением темпов развития при снижении цен на важнейший товар чилийского экспорта (медь)⁴.

В настоящее время в качестве одного из возможных направлений «прорыва» активно обсуждается промышленная политика. Часто говорят о том, что многие страны не без успеха использовали ее инструменты. Это соответствует действительности. Хотя случаев провала подобной политики также можно привести немало. Главное же в другом. На стадии постиндустриального развития роль промышленной политики радикально меняется. Когда государство проводит промышленную политику на этапе ранней индустриализации, ее логика проста – следовать за лидером. Правительству известно, что в Англии есть металлургические заводы. Нам нужны такие же. Понятно, что надо делать. Дать государственный кредит, предоставить гарантию, таможенную защиту. На этой основе можно сформировать сходную промышленную структуру. Но на стадии постиндустриального общества, а именно этот этап предстоит проходить России, – ситуация меняется⁵. Выясняется, что в быстрорастущих отраслях-лидерах роль промышленной политики ограничена. Здесь изменения происходят слишком быстро, для поддержания конкурентоспособности важно сохранение интеграции в глобальный мир. Именно в передовых, высокотехнологичных отраслях на протяжении последних 50 лет снимались барьеры, здесь низкие тарифы, редко применяются антидемпинговые расследования, доминируют открытые рынки.

Промышленная и вообще отраслевая политика сдвигается в область «заходящих» отраслей, тех, в которых наиболее развитые страны

⁴ См.: *Dornbusch R., Edwards S.* The Macroeconomics of Populism in Latin America. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1991. P. 200.

⁵ Подробнее об этом см.: *Мау В.* Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики, 2002. № 7

неконкурентоспособны. Более бедные страны могут производить ту же продукцию дешевле, чем страны-лидеры, в силу дешевизны такого фактора производства, как труд. Политика поддержки американской металлургии или европейского сельского хозяйства отношения к развитию не имеет. Это защита частных интересов, частных прибылей, интересов занятых в этих отраслях, это политика обороны, а не прорыва. Никакого рывка ни от американской металлургии, ни от европейского сельского хозяйства никто не ожидает.

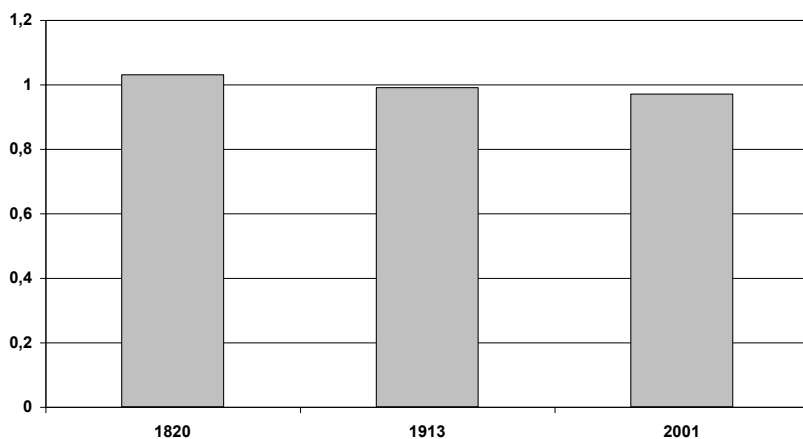
Промышленная политика – это политический процесс. Ее курс не выбирают технократы – такое было возможно разве что при авторитарных режимах. При демократии – почти никогда. Характерный пример: когда Е. Г. Ясина назначали Министром экономики РФ, ему был задан вопрос: «Какую промышленную политику вы будете проводить?» Он сказал, что будет поддерживать биотехнологии и авионику. На деле ему пришлось, как и всем министрам экономики за последние 10–12 лет, поддерживать сельское хозяйство и угольную отрасль. Так устроен политический процесс в России.

3. Россия и другие страны на фоне длительной исторической перспективы

Обсуждая проблемы долгосрочных перспектив России, имеет смысл проанализировать то, как страна развивалась не в течение последних трех или десяти лет, а на длительной исторической дистанции, на протяжении хотя бы последних двух веков. Если мы рассмотрим эволюцию российской экономики на фоне мирового развития последних двух столетий, то увидим, что российский душевой ВВП в 1820 году был близок к средним мировым показателям и примерно на том же среднемировом уровне (с учетом точности расчетов) оставался и в 1913 году, и в 2001 году (см. *рис. 1*).

Рисунок 1

Отношение душевого ВВП России к мировому душевому ВВП в 1820–2001 годах

Источник: 1. За 1820 и 1913 годы: A.Maddison. The World Economy. A Millennial Perspective; 2. За 2001 год – расчеты ИЭПП на основе данных A.Maddison; 3. Реконструкция данных Мирового банка на период до 1950 года дает сходные результаты в пределах точности расчетов.

Причины выбора указанных дат объяснить нетрудно. Большинство исследователей относят начало современного экономического роста – процесса резкого ускорения темпов экономического развития, сопровождаемого масштабными сдвигами в структуре экономики и социальных отношениях, – к 20-м годам XIX века. 1913 год – это высшая точка развития России в рамках царской империи. 2001 год – максимально приближенная к сегодняшнему дню дата, по которой имеются данные.

Да, между этими тремя точками российский душевой ВВП отклонялся от среднемирового, но колебания носили достаточно ограниченный характер. Величина дистанции, отделяющей Россию от стран-лидеров мирового экономического развития (в XIX веке – Англия, в XX веке – Соединенные Штаты Америки), в течение этих двух веков тоже колебалась, но колебания происходили опять-таки в достаточно узком интервале (см. табл. 3).

Таблица 3

Отношение душевого ВВП в России к душевому ВВП стран-лидеров современного экономического роста*

Годы	1820	1870	1913	1950	1990	2001
Отношение	0,44	0,32	0,28	0,30	0,31	0,25

* 1820-1870 годы – Англия,
1913-2001 годы – США

Источники: 1. A.Maddison, Monitoring the World Economy 1820-1992, OECD 1995 (данные с 1820 по 1950 гг.); 2. World Development Indicator Database, World Bank, 2002 (данные за 2001 г.).

Сегодня внимание приковано к успехам экономического развития Китая, достигнутым за последнюю четверть XX века. При этом нередко забывают, что падение доли Китая в мировом валовом внутреннем продукте было одним из самых серьезных структурных сдвигов в мировой экономике между 1820 годом и 70-ми годами XX века на протяжении полутора веков после начала XIX столетия. НСегодня, после четверти века динамичного роста, доля Китая в мировом валовом внутреннем продукте почти втрое ниже, чем она была в 1820 году, а душевой ВВП Китая, сегодня составляет примерно половину среднемирового (в 1820 году он был на среднемировом уровне).

На этом фоне близость российских показателей к среднемировым значениям достойна внимания. Это тем более важно, что на протяжении последних двух веков в мировом экономическом развитии происходили беспрецедентные изменения.

Понятие *современного экономического роста* ввел в научный оборот американский экономист, лауреат Нобелевской премии С. Кузнец. Он отнес начало этого процесса к концу XVIII века⁶. Сейчас большинство исследователей склоняются к тому, чтобы датировать его начало 20-ми годами XIX века – периодом, последовавшим за наполеоновскими войнами. Дискуссия о датах не имеет принципиального значения. Что действительно важно – это резкое ускорение темпов роста мировой экономики и душевого

⁶ *Kuznets Simon. Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread-New Haven-London: Yale University Press, 1966.*

ВВП на рубеже XVIII и XIX веков, происходящее на фоне глубоких структурных изменений в занятости, в способе расселения, демографии.

В Западной Европе (в регионе, который на протяжении предшествующего тысячелетия развивался аномально быстро) на удвоение душевого ВВП в период, предшествующий современному экономическому росту, потребовалось восемь веков (примерно с 1000-го по 1800 год). В Соединенных Штатах Америки, лидере современного экономического роста в XX веке, среднегодовые темпы роста продуктивности на протяжении последних двух веков составляли около 2%. Это означает, что на протяжении жизни одного поколения (75 лет) душевой валовой внутренней продукт увеличивался более чем в 4 раза.

Масштабные и взаимосвязанные структурные изменения происходили в странах с разными культурными традициями, различным уровнем ресурсной обеспеченности, неодинаковым географическим положением. Казалось бы, понимание этих общих, выстроенных по сходным сценариям, связанных с экономическим развитием процессов дает в руки исследователю, занимающемуся долгосрочной динамикой роста, мощный инструмент для анализа и прогнозирования. Но вопрос не так прост.

Представление о железных законах исторического развития, позволяющих точно предвидеть логику происходящего в мире, было стержнем марксизма – учения, доминировавшего в анализе долгосрочных перспектив эволюции социально-экономических отношений в конце XIX – начале XX века. Вместе с тем XX век выявил важное свойство современного экономического роста, которое не было осознано ни К. Марксом, ни марксистами: ему сопутствуют быстрые и трудно прогнозируемые изменения доминирующих тенденций в развитии социально-экономических систем и национальных экономик.

История социально-экономической мысли последних двух веков полна великих ошибок мыслителей, пытавшихся экстраполировать замеченные ими современные (для них) тенденции на перспективу. Это и Т. Мальтус с

прогнозами перенаселения и обнищания, базировавшимися на реальных фактах раннего этапа демографического перехода, связанного с ростом продолжительности жизни, а также с падением смертности, опережающим падение рождаемости. Это и К. Маркс, с его прогнозами абсолютного и относительного обнищания пролетариата, социальной дестабилизации и крушения капитализма: он опирался на реальные социальные проблемы ранних этапов современного экономического роста. Это и Й. Шумпетер, предсказавший в своей работе «Капитализм, Социализм и Демократия» угасание предпринимательства, бюрократизацию экономической жизни; он безусловно, находился под впечатлением реалий капитализма эпохи конвейерного производства⁷.

У. Черчилль, защищавший золотовалютный стандарт в Великобритании после Первой мировой войны и проводивший дефляционную политику с тем, чтобы восстановить довоенный паритет фунта стерлинга с золотом, опирался на двухвековую практику подобной традиции в своей стране, которая сделала ее мировым экономическим лидером. По существу, Черчилль лишь повторял то, что было сделано после наполеоновских войн. Но в радикально изменившихся условиях он на деле подталкивал мир к одному из самых масштабных кризисов в экономическом развитии прошедшего века, к Великой депрессии. Золотовалютный стандарт, сыгравший роль важного инструмента запуска современного экономического роста, оказался несовместимым со следующими стадиями этого роста.

То, что современный экономический рост является незавершенным, продолжающимся процессом, причем процессом, для которого характерны быстрые и радикальные смены доминирующих тенденций, существенно осложняет использование выявленных закономерностей для прогнозирования развития событий в странах-лидерах, идущих в авангарде экономического развития человечества. Страны-лидеры, начавшие современный экономический рост еще в первые десятилетия XIX века, и государства, в

⁷ Schumpeter Joseph A. Capitalism, Socialism and Democracy. New York: Harper & Brothers Publishers, 1950.

которых этот рост и связанные с ним социально-экономические изменения начались позже, находятся в разном положении⁸. Опыт первых – лидеров – позволяет делать важные выводы о проблемах и тенденциях, с которыми вторые – их называют странами догоняющего развития – столкнутся в будущем.

4. Страны-лидеры и страны догоняющего развития

Есть авторы, которые полагают, что тенденция дальнейшего развития процесса глобализации неизбежна. Есть те, кто убежден в том, что мир стоит на пороге деглобализации. То и другое доказать невозможно. А вот то, что России на протяжении следующих 50 лет предстоит решать проблемы, которые решались странами-лидерами современного экономического роста на протяжении последней половины XX века, на стадии, носящей сегодня название постиндустриальной, – можно утверждать с высокой степенью вероятности.

А. Смит – один из величайших экономистов в мировой истории – избежал многих ошибок, характерных для его последователей, именно потому, что анализировал проблемы догоняющего развития⁹. Проблемы и перспективы экономического лидера современной ему Европы – Голландии А. Смита не интересовали. Он считал, что Голландия вышла на пределы возможной производительности и дальше будет стагнировать¹⁰.

У К. Маркса представление, что более развитые страны показывают менее развитым лишь картину собственного будущего, было доведено до жесткого детерминизма. Он писал: «Дело здесь, само по себе, не в более или менее высокой ступени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в

⁸ Разумеется, есть особая группа стран, начавших современный экономический рост заметно позже лидеров, но сумевшая их нагнать. Самый яркий пример здесь – Япония, начавшая экономический рост практически одновременно с Россией и успевшая к 70-м годам XX века войти в группу лидеров.

⁹ На это обращает внимание А. Мэддисон (см. *A. Maddison. Monitoring the World Economy 1820–1992*. OECD, 1995).

¹⁰ Его интересовал вопрос о том, как страны догоняющего развития, менее развитые, чем Голландия – Англия, и страны континентальной Европы могут внести такие изменения в систему национальных институтов и проводимую экономическую политику, которые позволили бы им достичь голландского уровня развития.

самых этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна промышленно более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»¹¹. Однако [К. Маркс](#) недооценил три существенных фактора, отличающих развитие стран догоняющего [роста](#) от траектории движения стран-лидеров, [которые о](#) [тчетливо](#) проявились [они](#) уже в XX веке.

Первый из них – сама дистанция от лидеров. Распространение знаний, технологий, [порожденных](#) современным экономическим ростом, носит неравномерный характер. Массовое применение в странах догоняющего развития современных противозидемических средств идет [куда](#) [значительно](#) быстрее, чем распространение производственных технологий. Снижение смертности, рост продолжительности жизни происходит на более низких уровнях экономического развития, при длительном сочетании низкой смертности и высокой рождаемости. Отсюда тенденция увеличения в мировом населении доли стран, начавших современный экономический рост существенно позже, чем лидеры.

Второй фактор – [самн](#)-условия глобального развития, которые задаются лидерами. Страны-лидеры проходят различные этапы структурных трансформаций, [оказывающих](#) [оказывающие](#) влияние на всю мировую экономику. В 70-х годах XIX века – начале 10-х годов XX века она существовала в условиях глобального рынка товаров и капитала, основанного на золотовалютном стандарте, [—](#) [Э](#)то влияло на выбор экономической стратегии в странах, которые вступали в процесс современного экономического роста в эти десятилетия. В 1914–1950 годах мировая динамика находилась под [воздействи](#) [менльнм](#) [влиянием](#) войн, кризиса золотовалютного стандарта, протекционистской политики. Это задавало границы [допустимых](#) [значений](#) [маневра](#) для стран догоняющего развития, подталкивало их к выбору протекционистской политики, стратегии

¹¹ [Маркс К.](#) Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. книга 1. Процесс производства капитала. – М.: 1973. С. 8–9.

импортозамещающей индустриализации. Во второй половине XX века мир вступил в эпоху глобализации, снижения ставок таможенных тарифов, открытия рынка капитала, но уже не в условиях золотовалютного стандарта, а при плавающих курсах ведущих мировых валют. Это создает новые возможности для выбора стратегии развития, ориентированной на рост экспорта, интеграцию в глобальную экономику.

В ближайшие десятилетия, как это ни прискорбно для нас, мировой контекст развития будет задаваться не тем, что происходит в России, Индии или Бразилии, а тем, как складывается ситуация в Северной Америке, Западной Европе, Японии. Экономические и политические процессы, которые начнут—будут проявляться в странах-лидерах, окажут сильное влияние на эффективность национальных стратегий развития в странах, следующих за ними.

Третий фактор, определяющий специфику траектории догоняющего развития, – национальные традиции, доставшиеся в наследство от аграрных цивилизаций. Те ~~е~~Семейные/семейные традиции, которые сформировались/отношения, возникшие в прошлом тысячелетии в Западной Европе, отличаются от тех, которые ~~х~~характерных для исламских стран, стран, а также стран, где господствовали буддизм или конфуцианство¹². Распространенность узкой или широкой семьи, обычаев семейной солидарности оказывает существенное влияние на развитие систем социальной защиты, на национальные нормы сбережения, экономическое развитие в целом.

Значение опыта лидеров для стран догоняющего развития состоит не в том, чтобы его слепо копировать, а в том, чтобы понимать стратегические проблемы, с которыми придется сталкиваться, чтобы минимизировать риски, не повторять чужих ошибок.

¹² О связи формирования западноевропейских семейных традиций с интересами католической церкви см.: [Lal D. Unintended Consequences: the Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics on Long-Ran Economic Performance. Cambridge-Mass. London: The MIT Press, 1998.](#)

Крах социалистического эксперимента серьезно подорвал популярность марксизма в России. Но с водой не надо выплескивать ребенка. Анализ опыта социально-экономического развития наиболее передовых стран за последние полвека важен для понимания тех проблем, с которыми будет сталкиваться Россия в первой половине XXI столетия.

Сравнив сегодняшний душевой ВВП России с душевым ВВП стран—лидеров экономического роста, можно увидеть размеры [отрыва](#) разделяющей нас дистанции (см. [таблицу 2](#)).

Отформатировано

Таблица 2

Отформатировано

Годы, в которые душевой ВВП в странах—лидерах современного экономического роста равнялся российским показателям 2001 года

Страны	Годы
США	1935
Австралия	1936
Канада	1941
Новая Зеландия	1948
Англия	1934
Швеция	1944
Германия	1953
Франция	1951
Италия	1959

Источник: 1. ВВП на душу населения в России за 2001 года – данные из World Development Report, World Bank, 2003, приведенные к долларам Geary-Khamis 1990 года; 2. Данные по душевым ВВП остальных стран — см. *A.Maddison. Monitoring the World Economy 1820–1992*. OECD, 1995.

Точность расчетов душевого ВВП в паритетах покупательной способности ограничена, обсуждать результаты таких сопоставлений необходимо с большой осторожностью. Но данные, содержащиеся в [табл.](#)

Отформатировано

[табл. 22](#), показывают, что дистанция, отделяющая Россию от стран-лидеров, составляет сегодня примерно от 40 до 60 лет.

Сравним эволюцию российского ВВП, происходившую в течение длительного периода времени, с эволюцией ВВП крупных стран континентальной Европы (Франции, Германии). Эти страны имеет смысл взять за точку отсчета, оценивая дистанцию, отделяющую Россию от лидеров: так же, как и Россия, они оказались втянутыми в XX веке в две мировые войны на их территории; искажающее влияние этих войн на их развитие имеет сходство с влиянием тех же войн на Россию.

Таблица 3

Отформатировано

Отставание России по уровню душевого ВВП* от Германии и Франции (лет)

Страны	Годы			
	1870	1913	1950	2001
Франция	≈ 60	63	46	50
Германия	≈ 60	63	55	48

* Применительно к России здесь и далее душевой ВВП до 1913 года – Российская империя в границах СССР, для 1950 года – СССР, для 2001 года – Российская Федерация.
Источники:

1. Данные о душевом ВВП за 1870–1950 годы – см. *A. Maddison. Monitoring the World Economy 1820–1992. Development Center Studies.* OECD, 1995; 2. Данные о душевом ВВП за 2001 год – см. *World Development Report 2003. The World Bank.* Данные приведены к долларам Geary-Khamis 1990 года.

~~3. Применительно к России здесь и далее душевой ВВП до 1913 года – Российская империя в границах СССР, для 1950 года – СССР, для 2001 года – Российская Федерация.~~

Отформатировано

Отформатировано

Содержащиеся в [табл. 22](#) данные показывают, что отставание России от Германии, Франции по душевому ВВП было достаточно стабильным на протяжении примерно полутора веков¹³.

¹³ Таблица 3 может дать базу для излишне оптимистических выводов о постепенной тенденции к сокращению дистанции между Россией и странами-лидерами. Надо учесть, что в начале 50-х годов серьезное влияние на показатели Германии и Франции еще оказывали последствия Второй мировой войны. То же относится и к данным по России за 1950 год.

Речь идет не о случайных, вырванных из контекста данных о душевом валовом внутреннем продукте России, Франции и Германии. С этими изменениями были связаны и другие важные структурные характеристики национальных экономик. Например, доля городского населения в общей численности населения, доля занятых в сельском хозяйстве в общей численности экономически активного населения, и т. д.

Таблица 4

Доля городского населения в общей численности населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет (%)

Страны	Годы			
	1850 – Россия, 1800 – Германия, Франция	1910 – Россия, 1850 – Германия, Франция	1950 – Россия, 1910 – Германия, Франция	2000 – Россия, 1950 – Германия, Франция
Россия	7	14	44,7	77,7
Германия	9	15	49	71,9
Франция	12	19	38	56,2

Источник:

1. За 1800–1900 годы — источник: P. Vairoch, Cities and economic development: from the dawn of history to the present, Chicago, 1988;
2. За 1950–2000 годы — источник: база данных ООН: (<http://esa.un.org/unpp/>).

Отформатировано

Отформатировано

Таблица 4, содержащая данные о динамике доли городского населения России, Германии и Франции на протяжении последних двух веков с лагом в 50 лет, показывает сходную картину эволюции этого показателя – Россия отстает примерно на два трудовых поколения (50 лет).

Таблица 5

Доля занятых в сельском хозяйстве в численности занятого населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет (%)

Страны	Годы
--------	------

	1900 – Россия, 1850 – Германия, Франция.	1950 – Россия, 1900 – Германия, Франция	2001 – Россия, 1950 – Германия Франция
Россия	59,11 (1897) ^(*)	45,83 (1959)	120,0226 ⁽³⁾
Германия	–	36,84 (1907)	23,63 ⁽²⁾
Франция	51,72 (1856)	41,43 (1901)	24,06 ⁽²⁾

*Здесь и далее в таблице в скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источник:

1. *B.R. Mitchell*. International Historical Statistics 1750–1993. Macmillan Reference LTD, 1998.
2. Groningen Growth&Development Center Sectoral database: <http://www.eco.rug.nl/ggdc>
3. Российский статистический ежегодник. Госкомстат России 2002. Экономическая активность населения России, 2002. Госкомстат России.

Отформатировано

Таблица 6

Доля занятых в промышленности в численности занятого населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет (%)

Страны	Годы		
	1900 – Россия, 1850 – Германия, Франция	1950 – Россия, 1900 – Германия, Франция	2001 – Россия, 1950 – Германия Франция
Россия	13,87 (1897) ^(*)	40,27 (1959)	24,9722,70 ⁽³²⁾
Германия	-	33,84 (1907)	35,21 ⁽²³⁾
Франция	23,30 (1856)	26,53 (1901)	26,82 ⁽²³⁾

*Здесь и далее в таблице в скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к указанному).

Источник:

1. (если не указано иного) *B.R. Mitchell*. International Historical Statistics 1750–1993. Macmillan Reference LTD, 1998.
2. Российский статистический ежегодник. Госкомстат России, 2002. Экономическая активность населения России, 2002. Госкомстат России.
3. Groningen Growth&Development Center Sectoral database: <http://www.eco.rug.nl/ggdc>
3. Экономическая активность населения России, 2002. Госкомстат России.

Отформатировано

Табл. ~~ннн~~ 5 и 6 демонстрируют сходные структурные ~~изменения~~~~перемены~~ в занятости. Более быстрое сокращение занятости в сельском хозяйстве России связано со специфическими чертами социалистической модели индустриализации. Масштабное перераспределение ресурсов из аграрного сектора ~~в СССР~~ для финансирования капиталовложений в промышленность создало ~~в СССР~~ мощные стимулы к бегству крестьян из деревни.

Мы рассматриваем траектории развития стран на протяжении полутора веков, в эпоху глубоких социально-экономических изменений. Для России этот период включал две революции, крах двух империй, две мировые и одну гражданскую войны, крупнейший в мировой истории социально-экономический эксперимент, который назывался «социализм», и его крушение. Тем не менее, на протяжении этого времени дистанция по уровню развития между Россией и крупнейшими странами континентальной Европы оставалась стабильной и составляла примерно два трудовых поколения (50 лет). Начав современный экономический рост на два поколения позже, чем Западная Европа, в 80-х годах XIX века, Россия на протяжении почти полутора веков сохраняла сложившуюся дистанцию. Из этого нельзя ~~конечно~~ — сделать вывод, что соответствующий лаг задан ~~и~~ навсегда ~~останется таким же~~. Но анализ развития социально-экономических процессов на протяжении последнего полувека в странах ~~лидерах~~ экономического роста полезен для оценки долгосрочных перспектив России.

В. Истерли продемонстрировал уязвимость существующих моделей, объясняющих различия темпов экономического развития национальных экономик¹⁴. Он показал, что какой бы ~~неи~~ взять из основных факторов, влияющих, как принято считать, на динамику роста (доля инвестиций в ВВП, расходы на образование и т.д.), всегда найдется сколько-то стран, где при наличии данных факторов и соответствующих их значений роста не было. Он ввел в оборот не очень точный, хотя и интересный термин: «способность

¹⁴ Easterly W. The Elusive Quest for ~~G~~rowth. Cambridge-Mass, ~~achusetts~~ London; The MIT Press, 2000.

национальных институтов обеспечивать современный экономический рост». Наложив это представление на реалии российского развития последних полутора веков, можно сказать, что способность российских социально-экономических институтов обеспечить экономический рост была на протяжении всего этого периода на среднемировом уровне.

Приняв гипотезу, что дистанция, существовавшая на протяжении полутора веков, сохранится и дальше, можно предположить, что через 50 лет уровень жизни, ~~ее стиль жизни~~, структура занятости, инфраструктура ~~в России~~ будут в России примерно такими же, какие они сегодня во Франции или Германии. Это предполагает рост душевого ВВП темпами, близкими к 2% в год, ~~т.е. такими темп~~ же, как развивалась мировая экономика на протяжении последнего полувека. Если российская экономика в течение ближайших десятилетий будет развиваться так же, как в настоящее время, ~~т.е. сегодня~~, темпами, близкими к 4% в год, эту дистанцию можно пройти за 25 лет, сократив ~~ее отставание~~ по отношению к ~~лидеру-лидерам~~ до одного трудового поколения.

Понимание масштабов расстояния, которое на протяжении длительного времени продолжает отделять Россию от стран-лидеров, нужно не для манипуляций цифрами роста и создания прогнозов на этой основе. Оно позволяет, во-первых, представить, в чем российское развитие отличалось в прошлом и, видимо, будет отличаться в дальнейшем от развития стран-лидеров. И, во-вторых, с какими структурными проблемами нашей стране придется столкнуться на следующих этапах экономического роста.

5. Демографическая динамика России: специфическое наследие социализма

В чем российское развитие по набору важнейших социально-экономических характеристик более всего отличалось от траектории развития лидеров – так это демографическая динамика (см. ~~табл. № 7~~ 7).

Таблица 7

Доли стран в мировом населении (%)

Страны	Годы			
	1900 ⁽²⁾	1950	2000	2050
Россия	4,31 ⁽³⁴⁾	4,03	2,34	1,04
США	4,63	6,26	4,55	3,96
Япония	2,67	3,32	2,04	1,09
Англия	2,33	2,01	0,95	0,59
Франция	2,46	1,66	0,95	0,62
Китай	24,24	22,01	20,47	14,59

Отформатировано

Источник:

1. (если не указано иного) Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the UN Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision. <http://esa.un.org/unpp> (для 2050 г-ода умеренный прогноз);

2. Development Centre Studies. Monitoring the World Economy 1820–1992 by A.Maddison. OECD, Paris, 1995;

3. [Отношение численности населения России в 1897 году \(по источнику 4\), отнесенное к численности населения мира в 1900 г. \(по источнику 2\);](#) 34. Население России за 100 лет (1897–1997), Госкомстат России, М., ~~еже~~ва, 1998.

4. [Отношение численности населения России в 1897 г. \(по источнику 3\), отнесенная к численности населения мира в 1900 г. \(по источнику 2\).](#)

Снижение доли России в численности населения земного шара – явление не уникальное. На протяжении последнего века так же неуклонно снижались доли стран-лидеров, не являющихся иммигрантскими странами. Наше отличие в том, что Россия, начавшая современный экономический рост на два поколения позже лидеров и быстро наращивавшая свою долю в мировом населении в начале XX века, должна была, при инерционном развитии событий, иметь к концу XX века удельный вес [в численности населения](#) существенно больший, [чемнежели](#) тот, который она имеет сейчас.

То, что произошло в России, было связано как с крупномасштабными социальными катастрофами (две мировые войны, гражданская война,

коллективизация, репрессии), так и со спецификой социалистической модели индустриализации.

Таблица 8

Доля женщин в общей численности экономически активного населения (%)

Страны	Годы		
	1900 ⁽¹⁾	1950 ⁽²⁾	2000 ⁽²⁾
Германия	30,7(1907)	38,9	42,3
Россия	16,4(1897)	51,5	49,2
Франция	35,3(1901)	31,8	45,1

*— ~~Здесь и далее в таблице в~~ скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источник:

1. Рассчитано по: [B.R. Mitchell](#), International Historical Statistics 1750–1993, Macmillan Reference LTD, 1998.
2. Рассчитано по сведениям United Nations Common Database, Economically active population by sex, 13 age groups (ILO estimates/projections).

Данные, содержащиеся в ~~табл. №~~ 8, ~~не позволяют показать~~показывают, что социалистическая индустриализация предполагала необычно раннее вовлечение женщин в занятость вне домашнего хозяйства. Уже в 1950 году доля женщин в общем числе занятых в России была выше, чем она была во Франции и Германии к 2000 году на стадии развитого постиндустриального общества. Процесс вовлечения женщин в занятость влечет за собой параллельный процесс сокращения числа рождений, приходящихся на одну женщину. Данные ~~табл. №~~ 9 показывают, как этот процесс развивается в России, Германии, Франции и Испании¹⁵. С точки зрения демографических процессов, связанных с современным экономическим ростом, падение среднего числа рождений на одну женщину начинается в России примерно на два поколения раньше, чем в странах-лидерах.

¹⁵ Данные по Испании приведены, так как траектория демографического перехода здесь близка к российской.

Отформатировано

Отформатировано

Отформатировано

Таблица 9

Общий коэффициент фертильности (число рождений Среднее число рождений детей на одну женщину)

Страны	Годы		
	1950–1955	1975–1980	1995–2000
Германия	2,16	1,52	1,34
Испания	2,57	2,57	1,19
Россия	2,85	1,94	1,25
Франция	2,73	1,86	1,76

Источник: база данных ООН; (<http://esa.un.org/unpp/>).

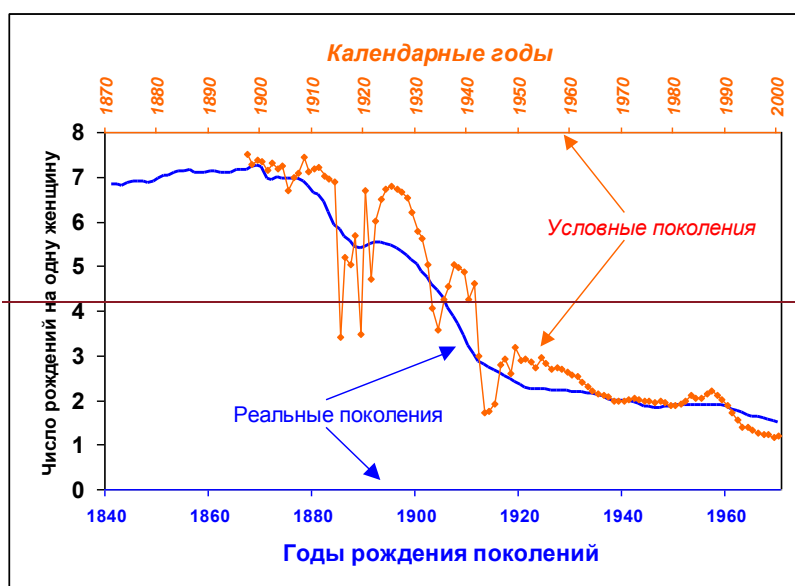
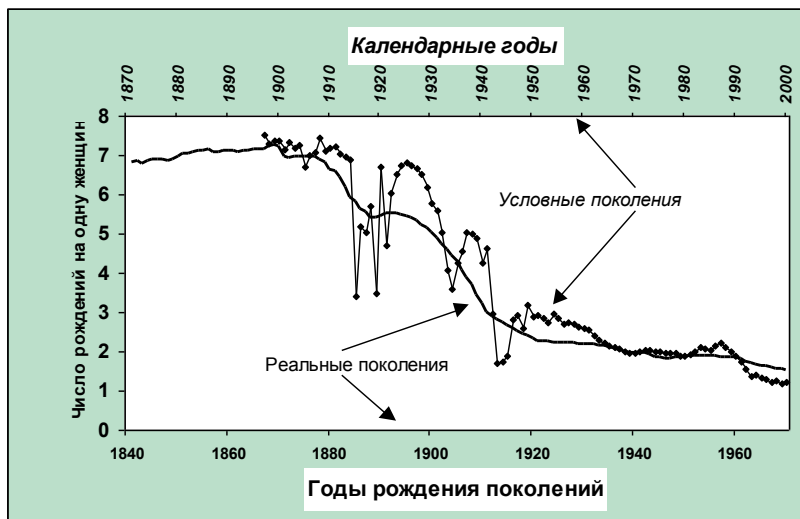
Статистика рождаемости искажается из-за влияния демографических волн, порожденных мировыми войнами. Данные С. Захарова по числу рождений, приходящихся в России на одну женщину по реальным возрастным когортам, приведенные в [таблице 10](#), и построенный на их основе график ([рис. 2](#)) показывают связь траектории демографического перехода с социалистической моделью индустриализации.

Рисунок 2

График 2

Отформатировано

Отформатировано

Источник: 1. Захаров С.В. «Рождаемость в России: первый и второй демографический переход» / «Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России», тезисы докладов научной конференции, Москва, 27–28 февраля 2002 г. М., ЦДЭЧ РАН, 2002. С. 19–26; 2. Материалы, любезно предоставленные С.В. Захаровым.

Отформатировано

Таблица 10

Итоговая рождаемость реальных и условных поколений в России*
(женские поколения 1841–1970 гг. рождения, календарные годы – 1896–2000 гг.)

Годы рождения женщин	Итоговая рождаемость реальных поколений	Календарные годы**	Итоговая рождаемость условных поколений
1841–1845	6,84		
1846–1850	6,90		
1851–1855	7,08		
1856–1860	7,11		
1861–1865	7,12		
1866–1870	7,20	1896–1900	7,30
1871–1875	6,96	1901–1905	7,12
1876–1880	6,85	1906–1910	7,17
1881–1885	6,20	1911–1915	6,30
1886–1890	5,49	1916–1920	5,23
1891–1895	5,50	1921–1925	6,16
1896–1900	5,23	1926–1930	6,38
1901–1905	4,59	1931–1935	4,51
1906–1910	3,66	1936–1940	4,74
1911–1915	2,82	1941–1945	2,60
1916–1920	2,46	1946–1950	2,89
1921–1925	2,25	1951–1955	2,86
1926–1930	2,20	1956–1960	2,67
1931–1935	2,15	1961–1965	2,33
1936–1940	2,01	1966–1970	2,03
1941–1945	1,91	1971–1975	2,01
1946–1950	1,85	1976–1980	1,93
1951–1955	1,89	1981–1985	2,02
1956–1960	1,87	1986–1990	2,08
1961–1965	1,71***	1991–1995	1,48
1966–1970	1,56***	1996–2000	1,23

* Итоговая рождаемость для условных поколений.

** Календарные годы соответствуют годам достижения возраста 30-ти лет когортами, указанными в левой части таблицы.

*** Предварительная оценка.

Источник: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М.: «Информатика», 1998. С. 166; а также неопубликованные расчеты авторов, любезно предоставленные Е.М. Андреевым. Итоговая рождаемость для реальных поколений 1909–1970 годов рождения рассчитана С.В. Захаровым прямым методом на основе переписей населения 1979 и 1989 годов, дополненных специально обработанными данными текущего учета рождений. Для поколений до 1909 г.р. применялся косвенный метод, использующий длинные ряды чисел родившихся и оценки дожития до среднего возраста матерей (См. Блюм А., Захаров С.В. Демографическая история СССР и России в зеркале поколений. // Население и общество. Информационный бюллетень ЦДЭЧ ИНИП РАН. 1997. № 17. Перепечатано: Мир России, 1997. Т. 4. С. 3–11; Энергия, №2, 1998. № 2. С. 42–46).

** Календарные годы соответствуют годам достижения возраста 30 лет когортами, указанными в левой части таблицы.

*** Предварительная оценка.

Отформатировано

Отформатировано

Еще один фактор, который обусловил снижение доли России в общей численности мирового населения, также связан с социалистической моделью индустриализации. ~~Как показывают данные таблицы 11, до середины 60-х годов отмечалось постепенное сближение показателей продолжительности жизни в России и в странах-лидерах современного экономического роста (табл. 11). С середины 60-х годов этот процесс прекращается~~¹⁶. Устойчивость показателей продолжительности жизни в России на фоне нарастания дистанции по отношению к лидерам на протяжении почти 40 лет – необычный в мировой демографической истории факт.

Отформатировано

Таблица 11

**Средняя ожидаемая продолжительность жизни
при рождении (лет)**

Страны	Годы					
	1950– 1955 950	1960– 1965 960	1970– 1975 970	1980– 1985 980	1990– 1995 990	1995– 2000 000
Россия	64,5	67,9	69,7	68,3	66,9	66,1
США	68,9	70,0	71,5	74,0	74,9	76,2
Япония	63,9	69,0	73,3	76,9	79,5	80,5
Англия	69,2	70,8	72,0	74,0	76,4	77,2
Франция	66,5	71,0	72,4	74,7	77,5	78,1
Германия	67,5	70,3	71,0	73,8	76,2	77,4

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision (<http://esa.un.org/unpp>).

Здесь сыграли роль два фактора. Во-первых, демографы давно выявили связь питания женщины во время беременности и питания ребенка в первые годы жизни со средним ростом нового поколения и продолжительностью

¹⁶ По данным Госкомстата РФ продолжительность жизни в России достигает своего максимума за период 50–70 годов XX века в 1965–1966 годах. См. Демографический ежегодник России. М., 2001.

предстоящей жизни. Применительно к возрастным когортам, родившимся между концом 20-х и началом 50-х годов, данные показатели существенно хуже, чем у предшествующих и последующих поколений. Риск умереть в 30–40-летнем возрасте у мужчины, родившегося в середине 20-х годов, когда подавляющая часть рождений приходилась на семьи свободных крестьян, был примерно в 2 раза ниже, чем у родившегося в конце 40-х – начале 50-х годов. Лишь с середины 50-х годов эти показатели начали существенно улучшаться:¹⁷ Связь ~~этих данных~~ с коллективизацией и Второй мировой войной очевидна.

Во-вторых – специфика развития событий, связанных с алкоголизацией населения в России в XX веке. Как показывают данные ~~табл. 12~~, по абсолютному потреблению алкоголя на душу населения показатели России близки к показателям Германии и существенно отстают от соответствующих показателей для Франции. Проблемы в этой области связаны не с количеством потребления алкоголя на душу населения, а со стилем его потребления. Сложившийся в России стиль характеризуется превалированием крепких напитков, неумеренностью, широким распространением пьянства на рабочем месте. (Уместно напомнить, что такой стиль характерен не только для России, но и, например, для той же Германии – но второй половины XIX века...)

Отформатировано

Таблица 12

Потребление алкоголя на душу населения старше 15 лет в переводе на чистый спирт в 1960–2000 годах (литры)

Годы	Страны		
	Россия	Франция	Германия
1960	4,88 ⁽²⁾	32,62 ^(*)	10,71 ^(*)
1970	10,38 ⁽²⁾	33,87	15,11

¹⁷ См.: Захаров С. Когортный анализ смертности населения России (долгосрочные и краткосрочные эффекты неравенства поколений перед лицом смерти) // М.: Наука. Проблемы прогнозирования, № 2, 1999. № 2. С. етр. 114–131.

Отформатировано

1980	13,40	33,34	16,18
1990	7,09	22,60	14,67
1999	10,80	19,87	12,99

*—1961 г.од.

Источник:

1. Если не указано иного: <http://www3.who.int/whosis>. WHO Statistics, Global Alcohol Database;

2. Оценка ← на основе данных Госкомстата, бюллетеня «Население и общество», № 19–20 (май 2001 →) <http://www.demoscope.ru>.

В Советском Союзе на фоне уравниловки, ~~слабой~~ ~~слабой~~ ~~низкой~~ социальной ответственности, отсутствия инициативы, людей и прочих черт «социализма» нормы алкогольного поведения, характерные для раннеиндустриальной эпохи, закрепились. Это стало важнейшим фактором остановки роста средней продолжительности жизни и наращивания дистанции между средней продолжительностью жизни мужчин и женщин (см. [график 3](#)).

Отформатировано

Таблица 13

Отформатировано

Уровень продолжительности жизни (средняя продолжительность предстоящей при рождении жизни) мужчин в России в 1950–2000 годах.

Годы:	Продолжительность жизни (лет)
1950–1955	60,5
1955–1960	62,5
1960–1965	63,3
1965–1970	64,5
1970–1975	63,8
1975–1980	62,7
1980–1985	62,6
1985–1990	64,9
1990–1995	60,8
1995–2000	60,2

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision. <http://esa.un.org/unpp>.

Отформатировано

Если бы ~~доля России в мировом населении сегодня была такой же, как в 1913 году,~~ на нас не оказали бы влияние социальные катаклизмы XX века, раннее вовлечение женщин в занятость и укоренение традиций алкогольного поведения, характерных для раннеиндустриальной эпохи, то население России составляло бы сегодня примерно 300 миллионов человек (при условии сохранения доли России в мировом населении на уровне 1913 года).

Страны — лидеры лишь в ограниченной степени представляют себе картину своего будущего, те проблемы, с которыми они столкнутся в долгосрочной перспективе. Многие институты и установления формируются у них в одних условиях, а затем продолжают функционировать в иных, радикально изменившихся. Важнейшие структурные проблемы стран Западной Европы, Северной Америки и Японии сегодня связаны с устойчивостью систем пенсионирования, здравоохранения, образования. Эти системы формировались в условиях молодого населения, широких возможностей наращивания налоговой нагрузки, ограниченной доли соответствующих расходов в валовом внутреннем продукте. За пятьдесят лет постиндустриального развития ситуация радикально изменилась. Но проведение глубоких стратегических реформ в условиях зрелых, стабильных демократий сложно. Анализ проблем, с которыми сталкиваются страны — лидеры для России важен не для слепого копирования сделанного. Наложение этого опыта на российские реалии позволяет начинать необходимые реформы не тогда, когда проблема уже перезрела, а на более ранних стадиях. А. Гершенкрон писал, что не только Россия, но и весь мир дорого заплатил за позднее освобождение крестьян в России¹⁸, за то, что по времени начала современного экономического роста Россия заметно отстала от ведущих стран Западной Европы. Тем важнее воспользоваться преимуществом, которое дает ранее проторенная дорога — учиться не только на своих, но и на чужих ошибках.

¹⁸ Gershenkron, A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. — Cambridge—Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.

6. Проблемы иммиграции

Уровни рождаемости и смертности – чрезвычайно инерционные показатели. Демография утверждает, что не возможно в относительно короткие сроки остановить сокращение населенности России, воздействуя на эти факторы. Остается другое средство – разумная иммиграционная политика. Вопрос о ней – один из самых «горячих» актуальных вопросов экономической и социальной политики России. Как, кстати, и многих других стран, опыт которых заслуживает серьезного критического осмысления.

Иммиграционная политика в странах, находящихся на стадии постиндустриального развития, как правило, крайне непоследовательна. Здесь сталкиваются две реальности – экономическая и политическая.

Экономическая реальность: для стран с богатым (по меркам мира) населением характерен дефицит рабочей силы, готовой заниматься неквалифицированным трудом. Есть рабочие места, которые можно экспортировать за рубеж, в менее развитые страны. В отношении профессии уборщика, сиделки, грузчика и многих других это нереально. На высоких уровнях экономического развития резко повышаются требования национальной рабочей силы к качеству труда и рабочего места. Органы трудоустройства не решаются предложить многие рабочие места даже безработному. Власти знают: он имеет моральное право отказаться. Есть и потенциальное предложение труда для такого рода рабочих мест. Даже те невысокие зарплаты, которые платят в странах-лидерах за непрестижную работу, для многих выходцев из более бедных стран – возможность социального продвижения, роста благосостояния. В такой ситуации остановить процесс трудовой иммиграции невозможно. Однако общество, особенно в странах не иммигрантских, с высокой долей коренного населения, воспринимает иммигрантов как угрозу. Они нужны как уборщики, строители и грузчики, но не нужны как соседи. Складывается положение, когда иммиграция происходит, но в наихудшем из возможных виде – в форме нелегальной иммиграции.

Правительство США – иммигрантской страны, до 80-х годов XIX века не имевшей ограничений движения населения, в XX веке ужесточившей режим въезда в страну, было вынуждено провести в 1986 году крупномасштабную легализацию иммигрантов. Эта мера позволила сделать законным положение примерно 4 миллионов нелегальных иммигрантов. Сейчас США стоят на пороге осознания необходимости повторения того же шага, новой легализации иммигрантов в тех же масштабах.

Италия несколько раз проводила легализацию иммиграции. То, что там массово распространена нелегальная трудовая занятость иммигрантов в теневой экономике, исследователи прекрасно знают. Германия несколько раз пыталась ограничивать постоянную иммиграцию. В результате иммигранты прибывают в страну по каналам иммиграции беженцев, получают право жить в стране, но не имеют права легально работать.

Есть примеры разумной политики в области иммиграции. Один из них – Канада. За последние 20 лет канадское правительство довело долю иммиграции, определяемую по балльной системе (речь идет об иммигрантах, приезд которых власти страны поощряют, отбирая их с использованием определенных прозрачных критериев по всему миру) до уровня выше 50%. К сожалению, это исключение.

Россия столкнется и уже сталкивается с теми же проблемами. Проанализировав ситуацию на рынке рабочей силы в Москве, нетрудно убедиться, что идея о возможности обойтись без крупномасштабной трудовой иммиграции – нереалистична. Это долгосрочная проблема, с которой придется иметь дело в течение десятилетий. По условиям рынка труда страна обречена принимать крупномасштабный приток иммигрантов. В этой ситуации разумнее привлекать тех, кого национальные власти хотят видеть в стране, а не тех, кого бы они видеть не желали.

Население России в XXI веке будет сокращаться, что связано не с отсталостью страны, а, напротив, с ее индустриальной зрелостью. Такая ситуация характерна для большинства развитых постиндустриальных стран,

не получающих масштабного притока иммигрантов. Это означает, что предстоит значительный рост числа пенсионеров, приходящихся на одного работника. Мы имеем дело с инерционной долгосрочной тенденцией, повлиять на которую сложно.

Отличие России от других стран состоит в одном: мы столкнулись с сокращением населения на более ранней стадии развития, чем западный мир. Однако у России есть уникальная возможность, мало кому доступная. Ее окружают страны, большинство из которых беднее нее. В этих государствах живут миллионы русских и десятки миллионов русскоязычных, людей, знающих русский язык, культуру, традиции, тех, кто легко интегрируется в структуру российского общества. Но вместо того, чтобы вести систематическую работу по привлечению молодежи из стран СНГ в российские вузы, на службу в российскую армию по контракту, создавать разумно устроенную систему организации трудовой иммиграции, легализовать иммигрантов, живущих в России, интегрировать их в российское общество, – вместо всего этого Россия последние годы заимствует худшие черты иммиграционной политики стран-лидеров. И многие еще гордятся, что российское законодательство в этой области, принятое в 2002 году, похоже на европейское. Между тем трудно представить себе нечто менее подходящее для российских условий, чем европейское иммиграционное законодательство.

Как показывает опыт, в условиях демократического устройства страны остановить приток трудовой миграции невозможно: с одной стороны, работодатель предъявляет спрос на рабочую силу (дефицит рабочей силы – важнейший фактор торможения экономического роста), с другой – есть предложение этой рабочей силы. Реальный выбор состоит не в том, быть или не быть иммиграции, а в ее характере – легальном или нелегальном. Сейчас, согласно официальной статистике, в России 400 тыс. трудовых иммигрантов. По оценкам представителей органов власти, реальное число иммигрантов составляет от 1,5 до 15 млн человек. Не имея трудовых и социальных

гарантий, нелегальные иммигранты вынуждены полагаться на механизмы этнической солидарности, создают закрытые сообщества, которые часто оказываются связанными с организованной преступностью. Это порождает антииммигрантские настроения в среде коренного населения, подталкивает к голосованию за ультраправые партии, погромам.

В свете сказанного недавно принятый Закон «О гражданстве Российской Федерации», предполагающий насильственное выдворение иммигрантов, основан на непонимании стоящих перед обществом проблем. Он не только загоняет иммиграцию в нелегальную область, криминализирует ее, но и резко ухудшает качественный состав иммигрантов, чем наносит ущерб прежде всего развитию российской экономики.

Между тем имеется ряд совершенно конкретных возможностей решить проблему миграции, чтобы она стала выгодной для страны, ее будущего. Многие из них носят чисто технологический характер. Например, необходимо создать систему, аналогичную системе «грин-карт», которая предоставляет иммигрантам все гражданские и социальные права, кроме права голоса. Проводить амнистию иммигрантов в целях их регистрации, в первую очередь налоговой регистрации. Иметь собственную программу привлечения тех иммигрантов, которые нужны стране. Более полно использовать потенциал наших соотечественников – русскоязычных, живущих в бывших странах СНГ.

Но важна не только технология. Осознание стратегического значения проблемы иммиграции для России требует радикального изменения видения ключевых задач развития нашего государства. Если бы Америка поставила перед собой задачу стать государством англосаксов, у нее были бы безрадостные перспективы: она просто не стала бы той великой страной, какой является сейчас. В XXI веке и Россия имеет будущее только как многонациональная страна российских граждан, говорящих на русском языке и принадлежащих к российской культуре.

Россия – правопреемница Советского Союза. Строго говоря, это означает, что каждый гражданин любой страны постсоветского пространства, родившийся в ней в советское время, если он того захочет, должен иметь право получить российский паспорт, стать гражданином России. Причем без предельного срока подачи заявления – как, например, человек, родившийся на территории тех же США, имеет право стать гражданином этой страны, где бы он ни жил и когда бы того ни пожелал.

7. Долгосрочная валютная и курсовая политика

Еще одна проблема, решение которой необходимо для долгосрочного развития России. Мир использует доллар как важнейшую валюту на протяжении последнего века, фунт и доллар – на протяжении последних двух веков. Может быть, именно поэтому иногда даже у специалистов складывается впечатление, что при обсуждении проблем сегодняшней мировой финансовой и денежной системы мы имеем дело с чем-то долгосрочно стабильным, устойчивым, хорошо изученным. На деле денежная система в том виде, в котором она сложилась сегодня, – это продукт недавнего прошлого. Это сочетание глобального мира, свободного потока капитала и плавающих курсов ведущих мировых валют, не основанных на золотом стандарте. Такое положение существует в течение последних двух-трех десятилетий. Это реальность, заданная странами-лидерами, и необходимо отдавать себе отчет в том, что пока она изучена слабо. Но уже ясно, что одна из ее характеристик – крупномасштабные колебания потоков капиталов, и прогнозировать такие колебания трудно.

Проанализировав историю мексиканского кризиса 1994 года, кризиса в Юго-Восточной Азии 1997–1998 годов, аргентинского кризиса 2000–2001 годов, нетрудно увидеть, что они были неожиданностью для ключевых игроков. В том числе – для очень сильных экономистов. Экономическая команда Б. Клинтона была сильной. Она включала таких авторитетных специалистов, как Л. Саммерс, Д. Липтон, С. Фишер. Это

квалифицированные люди, которые неплохо справились с управлением кризисами, ограничением причиненного ими ущерба. И все же и мексиканский кризис, и кризис в Юго-Восточной Азии были для них неожиданностью. А это значит, что нет никаких гарантий, что следующий кризис также не будет неожиданным для тех, кто в наибольшей мере способен повлиять на состояние мировой экономики.

Современный финансовый мир динамичен и полон рисков. В нем разумно надеяться на лучшее, а рассчитывать на худшее. Для России это особенно важно. Наша страна сталкивается с сочетанием двух типов рисков. Это риски, связанные с колебаниями цен на основные экспортные товары (которые в условиях постиндустриального развития крайне волатильны) и колебаниями на финансовых рынках. Велика вероятность сочетания этих рисков.

Сейчас у России нет проблемы, где занять деньги. Проблема в том, чтобы не допустить слишком большого притока краткосрочного капитала. Как только цена на нефть окажется на уровне близком к 12 долларам США за баррель, финансовые рынки будут для России закрыты. И те финансовые институты, которые сегодня говорят: занимайте сколько хотите, в этой ситуации скажут: приходите завтра. Это значит, что, вырабатывая собственную долгосрочную денежную и финансовую политику, разумно всегда быть консервативными в оценке рисков. Не менее важно всегда сохранять свободу рук в области курсовой политики, никогда не оказываться в положении страны, которая не имеет возможности адаптировать курс национальной валюты к радикально изменившимся реальностям, как это было в 1997–1998 годах.

Специфика структуры экспорта и импорта России, зависимость экспорта от цен на сырье, отсутствие тесной связи конъюнктуры российской экономики с конъюнктурой экономики любого из двух крупнейших экономических центров мира – США и Европейского Союза – исключают жесткую привязку рубля к доллару или евро. По этой причине добиться того,

чтобы рубль был «отвязан» от доллара – важнейшая стратегическая задача. То, что в плане решения этой задачи делает Центральный банк, правильно, хотя в проведении такой линии необходима осторожность. Если невозможно привязать рубль ни к евро, ни к доллару, значит, есть лишь одна осмысленная долгосрочная линия – проведение политики плавающего курса, постепенное превращение рубля в стабильную, устойчивую мировую валюту второго класса, такую, какой сегодня является, например, фунт стерлингов. Эта задача амбициозна. Но вспомним о том, что и в 50-х годах XX века в Германии задача сделать немецкую марку устойчивой валютой второго класса после двух денежных катастроф на протяжении предшествующего полувека казалась трудноразрешимой.

* * *

Важный вывод, который можно сделать, анализируя постиндустриальное развитие, – глубокие институциональные преобразования даются трудно. Постиндустриальные страны продолжают быстро развиваться, в них происходят радикальные структурные изменения. В то же время выясняется, что в условиях зрелых, стабильных демократий с низкой политической активностью населения, с ограниченными политическими интересами не так просто проводить масштабные реформы. Существуют важные направления, продвижение по которым заблокировано группами интересов. Именно такие группы политически активны. У них есть стимул организовываться. Известно, что реформа образования в США буксует, потому что важнейшая задача американских профсоюзов учителей (Национальная ассоциация образования, Американская федерация учителей) – одной из сильнейших лоббистских групп в Америке – ее остановить. То же происходит с реформой аграрной политики в странах ЕЭС. Политика эта сдерживает мировое развитие, создает тяжелые проблемы для развивающихся стран. Все попытки что-либо изменить блокируются аграрным лобби.

Сегодня российское общество сталкивается с тяжелыми проблемами, связанными с тем, что у нас молодая демократия. Демократия, не опирающаяся на традиции, – нестабильна. В ней заложена серьезная угроза эволюции в сторону авторитарного режима или «закрытой демократии». Но одновременно молодая демократия – это период значительной свободы маневра, состояние, когда можно сделать многое из того, что будет исключено через 20 лет. То, как политическая элита распорядится этим окном возможностей в ближайшие 10 лет, будет определять траекторию развития России на предстоящие полвека.

Правительство реформ 1992 года неоднократно критиковали за то, что оно не понимало значения институционального строительства. Это неточно. Когда в стране нет центрального банка, нет казначейства, нет нормальной налоговой службы, таможи, у правительства нет другого выхода, кроме как их создавать. Это и есть создание институтов. Другое дело, что этих институтов не было 70 лет. В такой ситуации выдумать их невозможно. Приходится ориентироваться на использование лучшего опыта, который есть в мире. Приходится изучать налоговую систему в Германии и во Франции и создавать у себя примерно такую же. Однако вскоре выясняется: то, что работает в одних условиях удовлетворительно, может не работать в других условиях – в России. Французы, налоговая система которых близка к нашей, могут себе позволить иметь структуру с высокими предельными налоговыми ставками, сложную, с массой лазеек. Но она работает, потому что основана на длительном опыте, традициях, функционирующем государстве. Пытаясь же построить похожую систему в России, можно получить массовое уклонение от налогов и коррупцию.

Лишь постепенно, с накоплением опыта функционирования национальных рыночных институтов, начинают вырабатываться решения, годные для исполнения не где-то, а в России. Это то, что на уровне разработок стало делаться в 1996–1997 годах, а практическую реализацию обрело в ходе реформ 2000–2002 годов.

Наша задача на ближайшие перспективы – не искать лучший мировой опыт, чтобы сконструировать из него идеальные устройства для развития России в постиндустриальную эпоху. Задача – четко знать наши реалии, понимать, что у нас будет, а что не будет работать, отслеживать проблемы, стоящие перед страной, и решать их не в последний момент, а заблаговременно.

Колебания роста в краткосрочной перспективе для России имеют ограниченное значение. Подстегнуть на два года развитие экономики – задача простейшая. Можно взять кредит в 20 миллиардов долларов США у Центрального банка, загрузить оборонные заводы со свободными мощностями, начать переброску сибирских рек в Среднюю Азию, и на два года темпы роста резко вырастут. Другое дело, что после этого страна столкнется с экономической катастрофой.

То, что нам нужно, – это не пытаться никого перегонять, а научиться устойчиво развиваться в условиях меняющегося постиндустриального мира, не ввязываясь в войны, избегая внутренних смут. Научиться извлекать уроки из своих и чужих ошибок. Избавиться от стиля, характерного для нашей страны с начала XVIII века, когда за рывком следует застой и кризис. Не надо паниковать из-за краткосрочных колебаний темпов роста. Развиваться, используя не столько инструменты государственного принуждения, сколько частные стимулы и инициативу.

Сделать все это труднее, чем на короткий срок подстегнуть темпы экономического роста. Для этого нужна тяжелая, последовательная и не приносящая немедленных политических дивидендов работа. Но именно такая политика дает стране шанс добиться устойчивого экономического роста. Именно такая политика является ответственной.